

Вариация к Достоевскому? Роман И. Эренбурга «Хулио Хуренито»

Георгий С. Прохоров

*Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Россия, hoshea.prokhorov@gmail.com*

Аннотация. «Хулио Хуренито» – модернистский роман Ильи Эренбурга, написанный по горячим следам Революции 1917 г. и отличающийся как широким интертекстуальным спектром, так и острой сатирической направленностью по отношению ко всем идейным направлениям и фракциям. В центре настоящей статьи лежат отсылки романа Ильи Эренбурга к наследию Достоевского – прежде всего к роману «Братья Карамазовы». Эренбург переносит героев и сюжетные элементы данного романа в реальность европейской истории Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Вместе с тем Эренбург выходит за рамки семантического континуума Достоевского, замещая свойственное этому автору ощущение Истории как процесса, стремящегося к завершению, Историей, в которой конец принципиально невозможен, причем всегда присутствует хотя бы потенциальная возможность остановить поток событий и переписать заново. Равным образом важная для Достоевского идея моральной поврежденности современного атеистически настроенного человека трансформирована в демонстрацию склонности людей творить идола и истово им поклоняться. Роман Эренбурга основан на прочтении Достоевского, совершенном через призму традиций еврейского Просвещения.

Ключевые слова: Илья Эренбург, Федор Достоевский, «Братья Карамазовы», интертекст, русско-еврейская литература, культурный трансфер

Для цитирования: Прохоров Г.С. Вариация к Достоевскому? Роман И. Эренбурга «Хулио Хуренито» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 30–42. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-30-42

Responding to Dostoyevsky? *Julio Jurenito* by Ilya Ehrenburg

George S. Prokhorov

*State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia,
hoshea.prokhorov@gmail.com*

Abstract. *Julio Jurenito* – a 1924 Modernist novel by Ilya Ehrenburg, written hot on the heels of the 1917 Revolution and is distinguished by both a wide intertextual spectrum and an acute satirical orientation in relation to all ideological trends and factions. The article focuses on references of the novel by Ilya Ehrenburg to the legacy of Dostoevsky – primarily – *The Brothers Karamazov*. Ilya Ehrenburg resets Dostoevsky's features – his protagonists and some elements of plot – into the reality of European history of the First World War, Russian Revolution and Civil War. But also, Ehrenburg goes beyond Dostoevsky's semantic continuum, replacing the author's sense of History as a process striving for its endpoint with a History in which an end is fundamentally impossible, and there is always at least the potential to put the flow of event on pause and rewrite their mistakes. As well, the idea important for Dostoevsky that of the moral damage of the modern atheist-minded person is transformed into a demonstration of the people's inclination to create idols and devoutly worship the latter. Ilya Ehrenburg's novel is grounded on an interpretation of Dostoevsky, perfected through the prism of the traditions of the Jewish Enlightenment.

Keywords: Ilya Ehrenburg, Fyodor Dostoevsky, *The Brothers Karamazov*, intertext, literature of Russian Jews, cultural transfer

For citation: Prokhorov, G.S. (2021), "Responding to Dostoyevsky? *Julio Jurenito* by Ilya Ehrenburg", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 30–42, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-30-42

«Я вынимал, будто луковицу, воспоминания давних лет: детскую веру, быт столовых с фикусами и закуской, миссию России по "Дневнику писателя", купола псковских церквушек, кафе "Бом" на Тверской...»; «Я... воспитывался в первой московской гимназии, будучи еще в четвертом классе, записал в календаре "Товарищ": "Ваш любимый писатель?" – "Достоевский"»; «Во мне жил самый подлинный шовинизм, так ничего, бродил по заграницам, а иногда находило: у нас, мол, все особенное, и бог особенный, и животы мы порем по-особенному... я начинал себя чувствовать скифом, презирал жалкую, мещанскую Европу

и прочее»¹. Луковка из «Братьев Карамазовых» соседствует со школярской анкетой с указанием Федора Михайловича как любимого писателя, с кругом идей «Дневника писателя». Еще прижизненная критика указывала на «эпигонство» Достоевского у Эренбурга [Попов, Фрезинский 2000, с. 39, ср. с. 42]. Но что такое Достоевский в творческом мире Эренбурга и, в частности, в его первом романе «Хулио Хуренито»? Главный герой кажется трагическим изображением евангельского Иисуса: «Вернувшись в Москву, я созвал всех наших для того, чтобы сообщить им о смерти Учителя. Мы собрались в его комнате, и казалось, ласковый, насмешливый его образ был неотступно с нами»². Но образ ведет не только, а быть может, и не столько в Новый Завет.

Палимпсест по мотивам «Братьев Карамазовых»

26 марта 1913 г. герой сидит в парижском кафе «Ротонда»...

...перед чашкой давно выпитого кофе, тщетно ожидая кого-нибудь, кто бы освободил меня, уплатив терпеливому официанту шесть су. Подобный способ прокормления был открыт мной еще зимою и блестяще себя оправдал³.

Автобиографический по фамилии, еврейскому происхождению и российскому гражданству герой буквально кормится за чужой счет; он (если перевести во фразеологию Достоевского) – *приживала*.

Похоже было на то, что джентльмен принадлежит к разряду бывших белоручек-помещиков, процветавших еще при крепостном праве... но мало-помалу с обеднением после веселой жизни в молодости и недавней отмены крепостного права обратившийся вроде как бы в приживальщика хорошего тона, скитающегося по добрым старым знакомым...⁴

¹Эренбург И.Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников // Эренбург И.Г. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 381.

²Там же. С. 442.

³Там же. С. 221.

⁴Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. Л.: Наука, 1991. С. 140.

Топика «Хулио Хуренито» напоминает роман Достоевского. «Я не доктор, а между тем чувствую, что пришла минута, когда мне решительно необходимо объяснить хоть что-нибудь в свойстве болезни Ивана Федоровича читателю. Забегая вперед, скажу лишь одно: он был теперь, в этот вечер, именно как раз накануне белой горячки...»⁵ Эксплицитных отсылок к белой горячке в романе «Хулио Хуренито» нет. Впрочем, попавшие в кадр элементы фокализации (бутылка, подаренная старой няней), намекают на аналогичную причину⁶. Если в «Братьях Карамазовых» доктор допускает возможность галлюцинаций, то в случае Эренбурга галлюцинация явлена: «Соседние лавки – колониальная и зеленая – казались мне кругами ада, а усатая булочница с высоким шиньоном, добродетельная женщина лет шестидесяти, – бесстыдным эфебом». «Я детально рассматривал приглашение в Париж трех тысяч инквизиторов для публичного сожжения на площадях всех потребляющих аперитивы»⁷.

Париж из романа Ильи Эренбурга напоминает тот южный город из романа Достоевского, «как раз в котором всего лишь накануне в “великолепном автодафе”, в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков *ad maiorem gloriam Dei*»⁸. Париж вместо Севильи?.. Париж не связан с «Поэмой» Ивана Карамазова, но он все же присутствует в романе Достоевского как место жительства Петра Александровичу Миусова. В еврейской истории именно Париж связан с громким инквизиционным процессом – Парижским диспутом (1240–1242). Это был первый в Европе инквизиционный суд над Талмудом, в рамках которого книга была приговорена к сожжению, а казнь книг, привезенных на 24 возах, состоялась на Гревской площади. Еврейский рассказчик совмещает севильскую инквизиционную историю Ивана Карамазова с парижской... А видение Парижа героем-Эренбургом вмещает в себя и голос биографического Достоевского:

[Достоевский] говорил о Париже, как Иона мог говорить о Ниневии, с огнем библейского негодования: «Когда-нибудь ночью появится пророк и напишет на стене три огненных слова – это будет сигналом

⁵Там же. С. 139.

⁶*Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 221.

⁷Там же.

⁸*Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 9. Л.: Наука, 1991. С. 280.

конца старого мира и Париж падет, въ крови и пожаре, со всем, что составляет гордость его, со всеми театрами и “Café Anglais”...”⁹

He Café Anglais... но Café de la Rotonde.

Герои Достоевского в романе «Хулио Хуренито» получили продление. Эренбург пронизан ролью Ивана Карамазова. Хуренито – Черта Ивана Карамазова. Алексей Спиридонович «запутан» с Алексеем Федоровичем. Последний не просто тоже *Алеша*¹⁰, но и родился в «случайном семействе»:

Родился Алексей Спиридонович в городе Ельце... Мать его вскоре после рождения Алеша убежала с французом Жоржем (ср. [Достоевский, т. 9, с. 10])... попробовала существовать, писала какие-то письма, ходила к родственникам и, проваландавшись два года, умерла (ср. [Достоевский, т. 9, с. 11]). Мальчик рос с отцом... Наблюдали за ним различные гувернантки, довольно быстро сменявшие одна другую, которые свои досуги посвящали уходу за генералом. <...> Генерал пил запоем (ср. [Достоевский, т. 9, с. 11, 15, 22]). Порой он хватал хлыстик, висевший над турецким диваном, хлестал им по спине Алешу и приговаривал: «Шлюхино отродье, вот тебе! И черт тебя знает, чей ты! Цирюльник поганый! Иди мыль морду!» [ср. Достоевский, т. 9, с. 271]. А потом ночью будил мальчика, и тот в ужасе видел старика на четвереньках перед кроватью с сеткой, который завывал: «Ангел мой чистый! Солнышко мое! Недостоин я тебя, гад, блудодей! Раздави меня! Плюнь, ну, плюнь в отца!»¹¹

Двойничество в романе Эренбурга реализовано с оглядкой на опыт Достоевского, но герои зеркалят не только друг друга, но и своих прототипов. Потому «в памятный вечер», когда Эренбург «сидел в темном углу кафе, трезвый и отменно смирный», ожидание Черта, причем такого, как в романе Достоевского, буквально носилось в воздухе. «Дверь кафе раскрылась, и не спеша вошел весьма обыкновенный господин»¹² звучит повтором к «Это был какой-то господин или лучше сказать известного сорта русский джентльмен...»¹³ Вошедший мгновенно и однозначно идентифици-

⁹ *Вогюэ М., де.* Современные русские писатели: Толстой – Тургенев – Достоевский. М.: Тип. В.О. Рихтер, 1887. С. 67.

¹⁰ *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 250.

¹¹ Там же. С. 250–251.

¹² Там же. С. 222.

¹³ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 139.

рован Чертом: «Только я сразу все постиг. <...> Выше висков под кудрями ясно выступали крутые рожки, а плащ тщетно старался прикрыть острый, воинственно приподнятый хвост»¹⁴.

Вошедший представляется мексиканцем Хуренито. Действия же его зеркалят inferнального персонажа Достоевского: «Но мучитель [sic! – Г. П.] проявлял редкую выдержку. <...> Он сел за соседний столик и, не глядя на меня, развернул вечернюю газету»¹⁵ – «Гость ждал и именно сидел как приживальщик, только что сошедший сверху из отведенной ему комнаты вниз к чаю составить хозяину компанию, но смирно молчавший в виду того, что хозяин занят и об чем-то нахмуренно думает; готовый, однако, ко всякому любезному разговору, только лишь хозяин начнет его»¹⁶. Черт Ивана Карамазова ждет приглашения со стороны Ивана и готов к любой беседе... но таки-начинает ее первым¹⁷. Равно как и Хуренито: «Наконец, повернувшись ко мне, он приоткрыл рот. Я встал. <...> Негромко, даже лениво как-то он подозвал официанта: “Стакан пива!” – и через минуту на его столике пенился узкий бокал. Черт пьет пиво! Этого пережить я не мог...»¹⁸

Аналогично Хуренито не просто знает о своем предшественнике у Достоевского, но включен в нарративное пространство романа Эренбурга в двойном статусе (а то и тройном¹⁹ – ср. [Багно 1985, с. 107–114]): «Я почувствовал, что погибаю, и схватился за последний спасательный круг. “Но хвост, хвост?..” Хуренито усмехнулся “И хвоста нет, – ни карамазовски-датского [sic! – Г. П.], ни остренького, никакого”»²⁰.

Повествование на фоне Достоевского

Вступая в разговор и оспаривая приписанную Эренбургом чертову природу, Хуренито помнит про Ивана Карамазова и про

¹⁴ Эренбург И.Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 222.

¹⁵ Там же. С. 223.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 140–141.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ Эренбург И.Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 223.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 671.

²⁰ Эренбург И.Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 223.

восприятие себя в рамках персонажной системы «Братьев Карамазовых»: «Раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки, в аршин длиной, бурый...»²¹ Отвергая принадлежность к типологическому ряду («и хвоста нет»), он, вопреки декларации, хотя и полемически, но зеркалит кошмар Ивана Карамазова...

Религиозные воззрения Ивана в общем-то весьма традиционны [Альтман 1975, с. 111]. Вот и черта он принимает как рогатое, хвостатое, злобное существо. Хуренито не собирается водить Эренбурга между верой и неверием, равно как искушать и мучить, то открывая возможность трансценденции, то закрывая ее²². Спасение или погибель Эренбурга не лежат в сфере его интересов. А потому попытка Эренбурга играть à la Иван Карамазов решительно не попадает в дискурс. «“Я знаю, за кого вы меня принимаете. Но его нет” <...> – “Хорошо, предположим, что его [черта] нет. Но хоть что-нибудь [Бог] существует?..” Хулио снова усмехнулся, показав зубы, столь ровные и белые, что мне вспомнилась реклама в трамваях “Употребляйте только пасту Дентоль”, и вежливо, почти виновато ответил: “Нет”»²³. На месте прозвучавшего у Достоевского «не знаю»²⁴ оказывается однозначное «нет». Хуренито осуществляет ход, на который не решился Черт Ивана Карамазова, – выбить из-под ног героя последний камень: «Больше надеяться было не на что, ибо хвоста сразу не стало. <...> Я отнюдь не радовался тому, что врага нет, что он лишь моя нелепая выдумка. Наоборот, вместе с чертом исчезал весь уют, пусть ада, но все же жилого, понятного, ощутимого»²⁵.

Камуфляж в романе Эренбурга тотален: хвост – карман, наполненный курительными трубками; рога – кучерявые черные волосы... И в этом оттолкнувшемся от Достоевского художественном мире начинают звучать темы, внеположные Достоевскому. Если в мире нет ни черта, ни Бога, то что с моралью? «Вы без хвоста, но вы – он самый!»²⁶ Черта как инфернального существа, быть может, и нет; чертову функцию в мире реализуем успешно мы сами, люди.

²¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 159.

²² *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 224.

²³ Там же.

²⁴ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 148.

²⁵ *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 224.

²⁶ Там же.

Если Бога нет...

«...Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие... ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено»²⁷ – утверждение, которое кажется работающим в мире Эренбурга. Если все, что ждет героя «потом», – это «заболеет подагрой и будет пить вонючую воду, [п]отом умрет, сгниет, и вырастет на могиле травка *петух или курица*»²⁸, то можно эксплуатировать и насилловать²⁹, можно третировать и доводить до самоубийства³⁰.

Вроде бы мы в знакомом карамазовском мире – «что весь духовный огонь Зосимы по сравнению с этими тремя днями, где главные роли играли часовая стрелка и маленькая синяя книжка в боковом кармане мистера Куля?»³¹. Но у Эренбурга зло лишено всякой трансцендентности, вместо черта здесь обыкновенные люди...

«Если Бога нет, то...» – мы знаем продолжение Достоевского. Но в отличие от европейской теологии и философии, еврейская традиция на протяжении тысячелетий не работала с 'богом-вообще'³². Ее интересует Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, т. е. Бог ТаНаХа во взаимодействии с человеком (ср. формульные стяжки: Бог (чей?) Авраама [Maslin 2008, p. 6]). Само по себе наличие/отсутствие божества мало что меняет автоматически: Бог Авраама есть в Торе. И что вкладывать в «нет»? Если Бога просто нет в сознании людей, то Он может присутствовать в неупомянутах, как в книге Эсфири, где Бог не упомянут ни единожды. Если же под «нет» понимать прямое отрицание, то...

Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось. И сказал им Аарон: выньте золотые серьги... Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской! [Исх. 32: 1–4].

²⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 79–80.

²⁸ Эренбург И.Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 224.

²⁹ Там же. С. 225.

³⁰ Там же. С. 234–235.

³¹ Там же. С. 234.

³² Ср.: Кон-Шербок Д., Кон-Шербок Л. Иудаизм и христианство: Словарь. М.: Гендальф, 1995. С. 244. См. также [Kushner 2012, p. 13–14].

Тогда на месте Бога оказывается идол – Ваал, Молох, неважно.

Илья Эренбург показывает – и это привнесенный им в Достоевского «избыток видения» – мир, в котором торжествует идол. Чековая книжка мистера Куля, на которой тот собирается утвердить якобы библейский мир. Социальная стратификация месье Делэ, призванная проектом ‘Всеобщий некрополь’ придать миру завершенность. Немецкий порядок студента Шмидта, которому тот истово служит. Простые идолы необразованного полудикого африканца Айши в этом соседстве самые безобидные... Не моральная распущенность атеистического человека, а идолы цивилизованного человека, требующие истового служения и человеческих жертвоприношений, создают мир, мерзопакостный даже для inferнального героя: «Видишь ли, в чем дело, Эренбург, мне надо умереть... Мне окончательно все надоело... Либо мистер Куль научными средствами выводит со света, как тараканов, Айшу, либо Айша запросто, в семейном кругу, завтракает бедрышком мистера Куля. Или обоих их запрягут в одно ярмо, и они будут, ненавидя друг друга, всех и все, тащить праздничную колесницу “освобожденного человечества”. Или Эрколе сам по себе чешет пуп на виа Паскудини, или вечный военный парад Шмидта. <...> Делайте это, как умеете. А мне что-то больше не хочется. Я сыт по горло»³³. Черт Ивана Карамазова мечтает «воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно» в семипудовую купчиху – и тем самым уйти от любых сомнений, искушений, от собственной природы³⁴. Эренбург продолжает линию за горизонт Достоевского. Что случится с искусителем после безвозвратного воплощения? – возмечтает умереть...

От Достоевского к Эренбургу

От ТаНаХа («Не делай себе кумира... не поклоняйся им и не служи им» [Исх. 20: 4-5]) и до «Алейну Лешабеах» – молитвы, завершающей любую еврейскую службу («Посему мы уповаем на Тебя, Господь Бог наш, что скоро увидим славу могущества Твоего, что будет уничтожена скверна с лица земли, и идолы будут истреблены»), идолборчество проходит красной нитью. Биографический автор Илья Эренбург любил свой роман как радикальную сатиру и на капитализм, и на прогрессивизм, и на революционное пере-

³³ *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 437–438.

³⁴ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 143–144.

устройство мира³⁵, иначе говоря, – на иды цивилизованного и не очень человека XX столетия. В плане идолоборческой повестки намечается движение в сторону от Достоевского.

В мире Достоевского конечный порядок наводит Бог. Он спасает мир от зла, от царства чертей, Он очищает мир³⁶. В финализирующую роль Бога верит даже атеист Иван Карамазов³⁷, расходясь с Алешей (и с традицией) в оценке баланса цена/качество: «...слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно». Возможность оценить Божий замысел о мире в категориях «дешево» / «дорого» вызывает возмущение у Алеши. «– Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алеша.

Реакция Алеши потрясает Ивана, который, видимо, тоже воспринимает сказанное как нечто немислимое и недопустимое: «– Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова...»³⁸

Илья Эренбург не принимает финализирующую роль Бога в мире:

Дом меблированный. Одним очень нравится – уютно, другие возмущаются и пока что мирно перевешивают картинки с одной стенки на другую...

В эту минуту великолепная и вместе с тем простая мысль осенила меня. Я думаю, что она исходила от Хуренито и была его первым откровением мне. Не обращая внимания на посетителей и официантов, я вскочил, откинул стул и закричал: «Но ведь можно уничтожить дом?» Хулио кивнул головой и попросил меня сесть. «Вполне законное желание»³⁹.

Напоминает «Приговор» Достоевского, в котором убежденный нигилист и атеист совершает самоубийство, чтобы реализовать смертный приговор мирозданию⁴⁰. В случае Эренбурга мы скорее видим полемическое продление. Бог – не хозяин на ферме⁴¹. Ли-

³⁵ *Эренбург И.* Годы, люди, жизнь: Воспоминания: В 3 т. Т. 1. М.: Советский писатель, 1990. С. 377–378.

³⁶ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1876 // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. СПб.: Наука, 1994. С. 39.

³⁷ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. С. 275.

³⁸ Там же. С. 275–276.

³⁹ *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 226.

⁴⁰ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. С. 321–322.

⁴¹ *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 225.

беральная еврейская традиция, с которой единственной, хоть и периферийно через М. Бубера, был связан Илья Эренбург, старается не представлять Бога в виде управляющего миром [Kushner 2012, p. 32]. Если творение нуждается в «ручном управлении», то совершенно ли оно? благо ли оно?

Не с Богом и не с физической природой, а с человеком в мир входит мораль: «...концепт честности – исключительно человеческий. Библия в первых главах Бытия описывает Бога как создателя упорядоченного мира, в котором все пребывает на своем месте, небо отделено от земли, земля – от моря... Только с появлением первых людей в мир входит непредсказуемость. Только с появлением первых людей мы можем говорить о добре и зле вместо логичности и необходимости. Только с появлением первых людей рациональность мироустройства усложняется проблемой честности и моральности мироздания» [Kushner 2012, p. 7–8]. Поскольку мы, люди, вносим в мир мораль, то вне какой-либо привязки к «проклятым вопросам» мы способны создать вокруг себя как пронизанный моралью мир, так и такой, в котором существовать немислимо черту.

Если мир стал совсем плох, то что это значит? Пора сесть и переписать получившееся (ср. [Maslin 2008, p. 45–51]). Линия поступков дошла до логического конца, который оказался тупиком. Пора сказать «нет» [Кантор 2006, с. 358–363], вернуться к началу, к моменту ошибки, но опираясь на полученный опыт: ивритское *tshuva* ('раскаяние') однокоренное с *lashuv* ('вернуться').

Финал романа Ильи Эренбурга зеркалит начало. Париж. Те же герои, только без Хуренито. Есть опыт путешествия по бурному морю истории. Есть мечты и память. Уничтожение мира преобразовано в финальное стремление зафиксировать все на бумаге, в переворот страницы, в переход к новой главе. Мир пишется и продолжает развиваться [Kushner 2012, p. 25; Miles 1995]. Чувство неудовлетворенности рождает несогласие, которое выливается в действия и дает миру шанс стать сколько-то лучше. Шанс скорее упустят: «Мистер Куль пишет мне: “Я счастлив. Религия укрепляется. Доллар стоек. Мое хозяйство процветает. На снарядах, изготавливаемых моими заводами, маркировка – олива мира. Да разнесут они когда-нибудь благую весть во все земли, острова и материки!”»⁴² Но изменить предназначение к лучшему (ср. Йом-Киппур) возможно всегда.

Мир Достоевского предстает как некая амальгама бытия, в результате чего герои Эренбурга говорят, мыслят, чувствуют,

⁴² *Эренбург И.Г.* Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. С. 451.

действуют на фоне и с оглядкой на своих «двойников». Эти «двойники-предшественники» (их роли и точки зрения) крайне важны, а подчас и входят в кругозор героев Эренбурга. Но переплетены они и с еврейской либеральной традицией. Автор не знал ни иврита, ни идиша – быть может, он даже в какой-то мере заменил Тору Достоевским. Но все равно он создает текст, пронизанный еврейскими ракурсами [Маркиш 2020, с. 303–307], – и в этом письме по-еврейски, но на национальном европейском языке Эренбург скорее типичен:

Как это странно – прославлять идишистскую культуру по-русски в постскрипуме к письму от поэта-идишиста к литературному критику-идишисту! Возможно, Эль Лисицкий не знает идиш, даже чтобы написать на нем всего несколько строк. Но, несомненно, его знания еврейства достаточно, чтобы разработать дизайн шрифта и иллюстрировать книги, написанные на идише [Spinner 2019, p. 156].

«Хулио Хуренито» – результат культурного трансфера, когда русский роман оказывается основой для художественного ответа русско-еврейского писателя. И эта культурная двойственность придает тексту своеобразие: перед нами не перенос персонажей Достоевского в иновременной фон, а результат взаимодействия двух писателей в условиях «Большого времени».

Литература

- Альтман 1975 – *Альтман М.С.* Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
- Багно 1985 – *Багно В.Е.* К источникам поэмы «Великий инквизитор» // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. Л.: Наука, 1985. С. 107–114.
- Кантор 2006 – *Кантор В.* Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» // Русско-еврейская культура / Под ред. О.В. Будницкого, О.В. Беловой, В.В. Мочаловой. М.: Росспэн, 2006. С. 345–371.
- Маркиш 2020 – *Маркиш Ш.* Русско-еврейская литература: от и до. Оренбург: ООО «Оренбургское книжное изд-во», 2020. 539 с.
- Попов, Фрезинский 2000 – *Попов В., Фрезинский Б.* Илья Эренбург в 1924–1931 гг.: Хроника жизни и творчества: В 2 т. Т. 2. СПб., 2000. 382 с.
- Kushner 2012 – *Kushner S.H.* The Book of Job. When bad things happened to a good person. N.Y.: Schoken, 2012. 208 p.
- Maslin 2008 – *Maslin J.S.* ...And turn it again. Theme and sacred variations. N.Y.: Xlibris, 2008. 248 p.
- Miles 1995 – *Miles J.* God. A biography. N.Y.: Vintage Books, 1995. 448 p.
- Spinner 2019 – *Spinner J.S.* Reading Jewish // PMLA. 2019. Vol. 134. No. 1. P. 150–156.

References

- Al'tman M.S. (1975), *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. Looking at onomastic], Saratov UP, Saratov, USSR.
- Bagno, V.E. (1985), "On sources of the Poem about Great Inquisitor", in *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Documents and Researches], vol. 6, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 107–114.
- Kantor, V. (2006), "Metaphysics of the Jewish 'not' according to Ilya Ehrenburg's novel 'Julio Jurenito'", in Budnitskii, O.V., Belova, O.V. and Mochalova, V.V. (eds.), *Russko-evreiskaya kul'tura* [Russian-Jewish culture], Rosspen, Moscow, Russia, pp. 345–371.
- Kushner, S.H. (2012), *The Book of Job. When bad things happened to a good person*, Schocken, New York, USA.
- Markish, Sh. (2020), *Russko-evreiskaya literatura: ot i do* [Russian-Jewish literature. From and to], Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, Orenburg, Russia.
- Maslin, J.S. (2008), *...And turn it again. Theme and sacred variations*, Xlibris, New York, USA.
- Miles, J. (1995), *God. A Biography*. Vintage Books, New York, USA.
- Popov, V. and Frezinskii, B. (2000), *Il'ya Erenburg v 1924–1931 gg.: Khronika zhizni i tvorchestva* [Ilya Ehrenburg in 1924–1931. Chronicle of life and work], vol. 2. Sankt-Petersburg, Russia.
- Spinner, J.S. (2019), "Reading Jewish", *PMLA*, vol. 134, no. 1, pp. 150–156.

Информация об авторе

Георгий С. Прохоров, доктор филологических наук, профессор, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия; 140410, Россия, Коломна, ул. Зеленая, д. 30; hoshea.prokhorov@gmail.com

Information about the author

George S. Prokhorov, Dr. of Sci. (Philology), professor, State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia; bld. 30, Zelyonaya St., Kolomna, Russia, 140410; hoshea.prokhorov@gmail.com